

В царстве сокровенной сути

ЛЮБОВЬ Никонова в книге «Перед чудом жизни» предстает перед читателем в двух ипостасях: как поэт и как прозаик. Стихи объединяются в главе под названием «Связь». Она обуславливается тем, что все в жизни, как утверждает автор, «связано связями кровными», что он и старается доказать на протяжении всей стихотворной части книги. Поэт демонстрирует одновременно жанровое разнообразие лирической музыки. Ей присущи философские, гражданские и глубоко личные мотивы.

В лучших своих стихах Любовь Никонова достигает мастерства, могущего удовлетворить самого взыскательного читателя. Автор легко и ответственно распоряжается арсеналом поэтических средств, решая при этом непростую задачу достижения гармонии между формой и содержанием. Нередко воображение поэта рисует поистине чудодейственные картины. Однако автор со своими чувствами остается на грешной земле, что, тем не менее, не мешает ему брать, выражаясь языком музыкантов, весьма высокую поэтическую ноту.

Одно из лучших стихотворений книги начинается так:

Ты мне скажи, заветное виденье,
зачем в твои прозрачные владенья
я проникаю в мыслях и во сне?

Не правда ли, сразу возникает ощущение чего-то, подернутого дымкой таинственности, сквозь которую уже пробивается первая драматическая нота. Следующие строчки усиливают ее звучание.

Опять, опять вхожу я,
обмирая,
под своды зеленеющего
рая:
судьба, ты подобрала ли ко мне?..
Драматизм продолжает на-

растать. Кстати, его присутствие, его напряжение являются вместе с художественностью, на мой взгляд, главными причинами проявления интереса читателя к стихотворению. Отсутствие его делает строчки вялыми, они не трогают сердца, не выводят читателя из равнодушного постороннего состояния.

Но вернемся к стихотворению. Перед читателем раскрывается идеал среды обитания, к которому тянется лирический герой, увлекаемый фантазией.

Здесь, в этом царстве
сокровенной сути,
где нет ни лжи, ни накипи,
ни мути,
я не стыжусь и не окрываю слез.

Из нематериальной субстанции волею автора создается и символический образ совершенного чувства, и идеал, могущий его удовлетворить.

И чей-то взор мне душу
проникает.

Сквозь слезы вижу:
высветлен, мерцает
прекрасный лик,
возлюбленный всерьез...

Лирическая субстанция идеала вылепчивается легко, свободно, на одном дыхании.

О, неужели наконец, сияя,
ко мне душа приблизится
родная,
приблизится в лучах
своих живых...

Прекрасная мечта рядом, вот она, только протяни руку. Но горечь прошлых утрак жива, память сердца настолько отягчена ими, что встреча с идеалом вызывает тяжелые переживания и не

открыляет, а страшит. Драма достигает высшей отметки.

Но трудно мне, почти
невыносимо...

Пройди, прошу, пройди уж
лучше мимо.

Заключительная строка вздымает новую волну несоответствия между мечтой и действительностью, в ней уже слышится трагическое звучание:

Так легче мне, привыкшей
среди чужих...

Одним штрихом поэт раскрывает второй пласт драмы лирического героя, который мог бы стать стержнем уже другого произведения. Вот так небольшое лирическое стихотворение дает художественное полотно большой поэтической силы.

Хотелось бы обратить внимание на пластичность созданного образа и на мастерство его воплощения. Рука художника точна до такой степени, что нет почти ни одной шероховатости, ни одного обрыва, ни одной даже малозаметной связки в поэтической ткани стихотворения. Надо отметить также умение автора достигать диалектического единства между целым и частным, общим и единичным.

...Наверное, каждый наблюдал летящие по воздуху прозрачные паутинки. Они красивы, слов нет, их можно укоротить или удлинить — они не потеряют своей прелести. Другое дело, если такие же «паутинки» входят в художественное полотно. Уберите часть или даже хотя бы одну нить — и гармонически связанное нарушится. Перед взором сразу же предстанет нечто несовершенное, а может, даже и уродливое... Иные стихи можно укорачивать или удлинять. Они от

этого не потеряют ничего, а могут даже выиграть. Но выбросьте хоть строчку или даже слово в других стихах, как сразу же они потеряют законченность, целостность, прелесть их потускнеет или даже утратится совсем. К числу именно такого рода стихотворений относится и «Ты мне скажи, заветное виденье...».

...Писать стихи высокого гражданственного звучания очень непросто. Здесь легко впасть и в велеречивость, уйти в ложный пафос, увлечься назидательностью, морализированием, наконец, не устоять перед прозаизмами и сделать произведение второсортным по художественной значимости.

В стихотворении «Мусоргский» Любовь Никонова сумела удачно преодолеть все эти препятствия, тесно увязав далекое прошлое с сегодняшним днем. Как известно, монументальная народная музыкальная драма композитора «Борис Годунов» в историческом плане связана со смутным временем; отсюда легко перекидывается мостик в современность.

И слухи, и рокот кровавый.
Зевак и юродивых —

тьма.
Свет солнца — тяжелый
и ржавый.

Затмение душ и ума.
На каждом шагу

самозванцы...

Великолепно используя аллегорию, весьма близкую к самой высокой степени метафоричности, Любовь Никонова пишет портрет Мусоргского таким, каким он предстал Репину незадолго до кончины:

Тот выписал грузное тело,
отечную тяжесть лица —

и выразил душу, что пела
и петь обрелась до конца:
всю драму природы широкой,
последнюю бурю в крови...
И взор, что исполнен
глубокой,
одной, безотказной

любви...
любовь эта — народ и
Россия. Та любовь, которой
мощно пронизаны все произ-
ведения Мусоргского и о
воспитании которой мы так
мало заботимся в наше смут-
ное время, связав себя забо-
тами о наполнении кошель-
ка, но, увы, не души. И мы
остро чувствуем это, прочи-
тав стихотворение «Мусорг-
ский», и слышим укор себе,
не прямой, опосредован-
ный, но сделанный поэтом и
оттого более впечатляющий
и действенный, нежели лю-
бой другой. Прекрасное до-
стоинство таланта, умеющего
задеть в нас самые сокровенные струны!

Я сознательно ограничусь разговором только об этих двух стихотворениях, более других нашедших отклик в сердце. Цель моя — в силу возможностей попытаться исследовать поэтические вершины книги Л. Никоновой «Перед чудом жизни».

Мне бы хотелось привлечь внимание читателей к настоящей поэзии, как-то сорентировать его. Ведь не секрет, что поэтическому мастерству в школе мало уделяют внимания. А ведь привитие художественного вкуса — одна из важных граней эстетического воспитания. Как известно, мир может спасти красота. И в первую очередь, конечно, красота человеческих поступков, появлению на свет коих всегда способствовала большая поэзия.

Г. СЕМЕНОВ.